

Демченко Александр Иванович

ГЕРОИ-БОГОБОРЦЫ

Статья содержит обобщения относительно эпосов о героях-богоборцах. Среди них наиболее широкий резонанс получили сказания об Абрскиле, Амирани и Прометее. Национальным героем Абхазии является Абрскил, который прославился не только как непобедимый богатырь, защитник своего народа, но и стал благодетелем мирной жизни. Образу Абрскила близок Амирани, герой грузинской мифологии, ради благополучия людей ведущий битвы с чудовищами, обучивший смертных добыванию огня и обработке металла. Оба они вступают в единоборство с небожителями, за что те жестоко наказывают их, заковав в цепи в пещерах Кавказа. Осмысление мифов о закавказских стратотерпцах позволяет констатировать множество параллелей с общеизвестной легендой о Прометее, которая приобрела мировую известность, став истоком одной из "вечных тем" искусства. Культуросозидающие подвиги трёх бунтарей воспринимаются как олицетворение пытливой человеческой мысли.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2016/6-2/2.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2016. № 6(60): в 3-х ч. Ч. 2. С. 13-16. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2016/6-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

является предводителем охоты, и по его указанию за добычей отправляется Шауей. После того, как он выполнил поручение Шужея (он выдерживает своего рода испытание), его назначают предводителем охоты.

Итак, как показывает анализ материала, цикл сказаний о Шауее, как и другие циклы нартского эпоса, состоит из сюжетов, повествующих об основных этапах жизни этого богатыря. Таковы сюжеты о женитьбе Канжа, отца Шауея, о рождении и богатырском детстве Шауея, о его героических деяниях, о сватовстве и женитьбе героя и др. В отличие от многих циклов, где сюжет о гибели того или иного героя занимает значительное место, в рассмотренных сказаниях о смерти Шауея не упоминается, и этим самым сказания данного цикла сближаются с богатырской сказкой, которая всегда имеет счастливую концовку. Однако, в отличие от сказки, эти сказания образуют, как это характерно для нартского эпоса, отдельный цикл, что еще раз подтверждает его промежуточное положение между героическим эпосом и богатырской сказкой адыгов.

Список литературы

1. Алиева А. И. Поэтика и стиль волшебных сказок адыгских народов. М.: Наука, 1986. 280 с.
2. Мифы народов мира. Энциклопедия: в 2-х т. / гл. ред. С. А. Токарев. М.: Российская энциклопедия, 1994. Т. 2. 720 с.
3. Нарты. Адыгский героический эпос / отв. ред. В. М. Гацак. М.: Главная редакция восточной литературы, 1974. 416 с.
4. Нарты. Адыгский эпос / сост. и пер.: М. Ф. Бухуров, А. М. Гутов, З. М. Налоев, М. А. Табишев. Нальчик: ООО «Тетраграф», 2012. Т. 1. Ранние циклы эпоса. Сосруко. 424 с.
5. Нарты. Адыгский эпос / сост. А. М. Гадагатль. Майкоп: Адыгейский научно-исследовательский институт, 1970. Т. 5. 336 с.
6. Сравнительный указатель сюжетов. Восточнославянская сказка / отв. ред. К. В. Чистов. Л.: Наука. Ленинградское отделение, 1979. 438 с.
7. Eberhard W., Boratav P. N. Typen Türkischer Volksmaerchen. Wiesbaden: Frantz Steiner Verlag GMBH, 1953. 506 S.
8. The Types of the Folktale. A Classification and Bibliography of Antti Aarne's «Verzeichnis der Märchentypen» (FFC № 3) translated and enlarged by S. Thompson. Second revision (FFC 184). Helsinki: Suomalainen Tiedeakatemia, 1961. 588 p.

SUBJECT COMPOSITION OF LEGENDS OF THE CYCLE ABOUT SHAUEI IN THE ADYGHE NART SAGAS

Bukhurov Mukhamed Fuadovich, Ph. D. in Philology
Kabardian-Balkarian Institute of Humanitarian Researches
mbf72@mail.ru

Until present the subject repertoire of the cycle about the Nart Shauai in Adyghe folklore hasn't been an object of a special study. Taking into consideration this fact, the author of the article, basing on vast material, selected in the course of the preparation of the multi-volume edition of the anthological collection "The Narts. The Adyghe Sagas" for publication, focuses on the identification and examination of the major themes and plot-forming motives of the mentioned cycle. The paper also determines the nature of interaction between archaic motives and the motives of more recent origin.

Key words and phrases: legend; cycle; Shauai; ordeal; heroic matchmaking; miraculous birth.

УДК 82

Статья содержит обобщения относительно эпосов о героях-богоборцах. Среди них наиболее широкий резонанс получили сказания об Абрскиле, Амирани и Прометее. Национальным героем Абхазии является Абрскил, который прославился не только как непобедимый богатырь, защитник своего народа, но и стал благодетелем мирной жизни. Образу Абрскила близок Амирани, герой грузинской мифологии, ради благополучия людей ведущий битвы с чудовищами, обучивший смертных добыванию огня и обработке металла. Оба они вступают в единоборство с небожителями, за что те жестоко наказывают их, заковав в цепи в пещерах Кавказа. Осмысление мифов о закавказских страстотерпцах позволяет констатировать множество параллелей с общеизвестной легендой о Прометее, которая приобрела мировую известность, став исторком одной из «вечных тем» искусства. Культуросоздающие подвиги трёх бунтарей воспринимаются как олицетворение пытливой человеческой мысли.

Ключевые слова и фразы: сказания о героях-богоборцах; богоборчество; культуросоздающие подвиги; олицетворение пытливой человеческой мысли.

Демченко Александр Иванович, д. искусствоведения
Саратовская государственная консерватория имени Л. В. Собинова
alexdem43@mail.ru

ГЕРОИ-БОГОБОРЦЫ

К временам Античности у некоторых народов Закавказья и в Греции сложились эпосы о героях-богоборцах. Среди них наиболее широкий резонанс получили сказания об Абрскиле, Амирани и Прометее. Они имеют общие корни и можно предположить, что корни эти восходят к мифам и сказкам шумеров и даже, возможно,

к более ранним памятникам дописменной культуры. По археологическим свидетельствам, истоки названных сказаний обнаруживаются с 3 тысячелетия до н.э., но окончательно они сформировались в античные времена.

Вероятно, ранее всего сложился боготорческий эпос в Абхазии. Национальной гордостью этой маленькой страны является порождение народной мечты – сказочный богатырь **Абрскйл**. Рождённый чудесным образом, он *«заговорил на следующий день после рождения и рос не по дням, а по часам. Через пять дней выглядел уже десятилетним, на шестой день сделал себе лук и стрелы, через десять дней простился с матерью, уходя защищать родину от врагов»* [3, с. 323-324]. Заявленный с самого начала мифологический гиперболизм пронизывает всё повествование об Абрскиле.

Свою землю абхазы называют *Апсны (Страна души)*. Она часто подвергалась нападениям чужеземцев, которые разоряли её. *«Абрскйл собрал храбрых сородичей и в жарких битвах победил врагов. Одно его имя наводило страх на недругов: они боялись обнажить оружие – их шапки и кинжалы ржавели в ножнах»* [Там же, с. 325]. Но Абрскйл прославился не только как непобедимый богатырь, защитник своего народа. Он стал олицетворением добра, благодетелем мирной жизни. Абрскйл решил, что способен на то, что под силу только верховному богу Анцва, и он может соперничать с ним. За это разгневанный бог велел заковать дерзкого героя в цепи и заточить его в неприступной пещере.

Образу Абрскила близок Амирани грузинской мифологии. Согласно лингвистическим изысканиям имя Амирани представляет собой абхазское название солнца (*амра*), а слово *бырскыл* (корневая основа имени *Абрскыл*) – *солнышко*, то есть дословно *дитя солнца*, что оказывается совершенно тождественным имени Амирани. По одной из основных версий грузинского мифа и народного эпоса «Амираниани», **Амирани** («Дитя солнца») был рождён богиней охоты Дали от смертного охотника, получил в младенчестве силу от омовения в воде волшебного родника, а на его теле были божественные знаки – например, изображение солнца и луны на плечах. Он огромного роста, похож на чёрную тучу, готовую разразиться ливнем, обладает неутомимостью волка, силой двенадцати пар быков и буйволов и настолько могуч, что земля с трудом выдерживает его. Ради благополучия людей Амирани ведёт битвы с чудовищами и злыми духами, он обучил смертных добыванию огня и обработке металла. Подобно Абрскилу, этот богатырь из гордыни вступает в единоборство с небожителями, выказывая дерзость и неповиновение. Бог жестоко наказывает его, заковав в цепи в одной из пещер Кавказского хребта, где его печень (или сердце) клюёт орёл. Осмысливая мифы о закавказских стратотерпцах, приходится констатировать содержащееся в них множество параллелей к общеизвестной легенде о Прометее. Вряд ли случайны те факты, что он был прикован в горах Кавказа, а греческие писатели V-IV веков до н.э. свидетельствовали о существовании мифа об Амирани. Снимая вопрос о каких-либо приоритетах, в том числе предположения о том, что образ грузинского героя лёг в основу сюжета греческого сказания о великом боготорце, можно по крайней мере с достаточной уверенностью утверждать, что предания об Абрскиле и Амирани дошли до Греции, где они слились с местным мифом о Прометее, и в любом случае есть все основания именовать Абрскила абхазским Прометеем, а Амирани грузинским Прометеем.

Переходя к греческому мифу о **Прометее**, необходимо признать, что именно он приобрёл общечеловеческое распространение, а его герой является символом гуманизма, став истоком одной из «вечных тем» искусства. Этот один из самых чтимых мифологических персонажей вызвал к жизни поистине бесконечную череду всевозможных художественных отображений: В греческой литературе о нём впервые заговорил Гесиод в поэмах «Труды и дни» и «Теогония» (VIII век до н.э.). Изображая Прометея как друга людей, жестоко наказанного Зевсом, он высказывает критические суждения и по самому факту хищения огня (Прометей – *«обманщик»*), но более всего ввиду того, что истолковывает прометеев дар людям как точку отсчёта несчастий и бед человечества.

Законченное и на этот раз безусловно позитивное истолкование образ Прометея получил в посвящённой ему трилогии трагедий Эсхила, из которых сохранилась только одна – «Прометей прикованный» (первая половина V века до н.э.). После этого произведения деяния героя-боготорца обсуждались в античной словесности всесторонне и широко – в пьесах неизвестных авторов «Прометей-огневозжигатель» и «Прометей», в трагедиях «Колхидянки» Софокла и «Прометей» Акция, в комедиях «Птицы» Аристофана и «Антропогония» Антифана, в диалоге Платона «Протагор» и в «Метаморфозах» Овидия.

Нить мифологического повествования о Прометее уходит в те времена, когда появились молодые боги во главе с Зевсом, захватившие власть над миром. Титаны повели против них войну, но всеведущий Прометей советовал им покориться Зевсу, превосходящему их своей мудростью. Его не послушались, и он перешёл на сторону Зевса, который в конечном счёте одержал победу и низверг титанов в мрачный Тартар. Победив враждебных себе титанов, Зевс-громовержец не посчитал нужным быть благодарным тем, кто помогал ему в той битве. В том числе он сторонится Прометея, который предвидел это, однако продолжал помогать Зевсу, сознавая, что его правление сулит миру благотворные перемены в сравнении с тем диким, первобытным состоянием, из которого не могли выйти его сородичи-титаны.

Уже в этом просматривается позитивная роль Прометея как сторонника прогресса и как носителя культуры. В греческой мифологии он был тем, кого по праву именуют культурным героем. Переходя к тому, что сделал Прометей во благо людей, приходится обходить стороной разноречия греческой мифологии в отношении возникновения человеческого племени. По одной версии, к временам Зевса люди на Земле уже существовали, но они, подобно диким титанам, пребывали в первобытном состоянии и предполагалось заменить их новым, более разумным и цивилизованным поколением. По другой версии, людей до воцарения Зевса не было вообще и предполагалось их создать, что царь богов поручил сделать Прометею. В любом случае, то были существа слабые, жалкие, беспомощные, неодолимые, пребывавшие в поистине пещерном

состоянии. Прометей возгорел желанием преобразить их существование. Опять-таки не будем перечислять различные варианты того, каким образом он похитил искру божественного огня и передал её людям. Важен результат: благодаря этому жизнь человечества обрела осмысленность и разумность. И, кроме того, Прометею обычно приписываются всевозможные благодеяния, которые он принёс роду человеческому, сделавшие его существование по-настоящему цивилизованным.

За всё это и особенно за похищение олимпийского огня Зевс, не любивший людей, разгневался на Прометея. Местом казни были выбраны неприступные горы Кавказа, который в представлениях древних греков лежал на самом краю земли – то был дикий, пустынный, мрачный край, страна скифов. После того, как посланцы Зевса приковали Прометея к скале, каждый день (или каждый третий день) прилетал огромный орёл, разрывал когтями тело Прометея и расклёвывал его печень; за ночь рана затягивалась, но орёл прилетал снова...

Конкретизируем некоторые моменты мифа о Прометее, исходя из текста трагедии Эсхила. В её центре – размышления главного героя о судьбах человечества. Перечислив сделанное им, он подытоживает достижения человеческого труда и человеческой мысли, ставшие явью ко времени Эсхила: *«Итак, коль кратким словом хочешь всё обнять, // От Прометея у людей искусства все...»* [10, с. 96]. Защищая род человеческий от недоброжелательства богов, Прометей выступает против беспредела самовластия, что вносит в повествование мощный гуманистический заряд. Осуществляя взятую на себя миссию благодетеля человечества и заранее зная, что его ждут за это неслыханные муки, мятежный подвижник неукоснительно следует поставленной цели. Это делает его самым возвышенным и трагическим образом греческой мифологии, воплощением негибаемого мужества, символом несокрушимой и всепобеждающей отваги духа. Гордое непокорство Прометея и огромная нравственная сила, которую он черпает в сознании своей правоты, ярко выражены в его последнем монологе [Там же, с. 114-115].

*... муки терпеть
Врагу от врага – совсем не позор.
Змеёй расщеплённой молния пусть
Метнётся на грудь мне, пусть воздух дрожит
От грома, от беженства бури, пускай
Земля содрогнётся до самых глубин,
До самых корней под ветром тугим!
Пусть море, бушуя, взъярит валы
И хлынет на тропы небесных звёзд,
Пускай в преисподнюю, в Тартар пусть,
Во мрак непроглядный тело моё
Безжалостным вихрем швырнёт судьба –
Убить меня всё же не смогут!*

Рассмотренные выше типологически близкие образы героев-богоборцев находятся в ряду целой плеяды аналогичных порождений художественной фантазии. Допустим, в мифологии Кавказа широко распространены легенды о богатырях, прикованных к скале. Таковы Артавазд, Мгер Младший и Шидар в Армении, Рокапи у имеретинцев, Бородатый великан у кабардинцев и т.д. Но в данной цепи сходных сюжетов сознание человечества выделило для себя прежде всего сказания об Абрскиле, Амირани и особенно о Прометее. Это произошло и в силу художественных достоинств данных эпосов, и по причине того, что с деяниями их героев так неразрывно связана идея человеколюбия и самоотверженного служения людям. Отсюда шлейф благородства, сопровождающий этих героев и соответственно – сохраняющееся в веках высокое их почитание со стороны рода людского как подвижников, святых, мучеников во имя человечества.

Культуросоздающие подвиги легендарных бунтарей становились олицетворением пытливой человеческой мысли, несли в себе веру в творческие силы людей, и вместе с огнём, похищенным у небес, это коренным образом выделяло человека из всего природного мира, что в известной мере делало его равным богам. Следовательно, важнейший внутренний смысл рассмотренных героических эпосов был связан с самоутверждением человечества. Именно это отмечал в своём стихотворении «Эсхил» наш Иван Бунин [2, с. 223].

*...чело суровое с таким
Величием, с такою мощью духа,
Какая подобает лишь богам
Да смертному, дерзнувшему впервые
Восславить дух и дерзновенье смертных!*

Список литературы

1. Бгажба Х. С. Об абхазском героическом эпосе // Вопросы изучения эпоса народов СССР. М., 1958. С. 188-200.
2. Бунин И. А. Собрание сочинений: в 6-ти т. М., 1987. Т. 1. 482 с.
3. Джапуа З. Б. Абхазские эпические сказания. Сухум, 2003. 378 с.
4. Козьменко К. И. Кавказские легенды о прикованных богатырях и миф о Прометее // Кавказский сборник Ставропольского пединститута. 1949. Кн. 1. Ставрополь. С. 57-76.
5. Мелетинский Е. М. Предки Прометея (культурный герой в мифе и эпосе) // Вестник истории мировой культуры. М., 1958. № 3. С. 114-132.
6. Мищенко Ф. Г. Божество Прометей в трагедии Эсхила // Слово. 1879. № 2. С. 199-216.

7. Плавстов Г. К. «Теогония» Гесиода и Прометей. СПб., 1897. 579 с.
8. Салакая Ш. К. Абхазский народный героический эпос. Тб., 1966. 386 с.
9. Чиковани М. Я. Народный грузинский эпос о прикованном Амირани. М., 1966. 326 с.
10. Эсхил. Прометей прикованный // Античная драма. М., 1970. С. 35-116.

HEROES-THEOMACHISTS

Demchenko Aleksandr Ivanovich, Doctor in Art Criticism
Saratov State Conservatory named after L. V. Sobinov
alexdem43@mail.ru

The article makes generalizations regarding the sagas of heroes-theomachists. The sagas of Abrskil, Amirani and Prometheus achieved the highest popularity. The national hero of Abkhazia is Abrskil who glorified himself not only as an invincible bogatyr, defender of his people, but also as a benefactor of peaceful life. Abrskil image is similar to Amirani, the hero of Georgian mythology, who for the sake of people battled with monsters, taught the mortals to acquire the fire and process metals. Both of them combat the celestials, for which the latter punish them severely, chaining them in the caves of Caucasus. Interpreting the myths of trans-Caucasian martyrs allows identifying a lot of parallels with the well-known legend of Prometheus, which acquired world-wide popularity becoming a source of an "eternal theme" of art. Three rebels' culture-formative feats are perceived as a personification of inquisitive human thought.

Key words and phrases: sagas of heroes-theomachists; theomachism; culture-formative feats; personification of inquisitive human thought.

УДК 821.161.1

Статья раскрывает содержание понятий «автор», «авторское сознание», которые сложились в современном отечественном литературоведении. Особое внимание уделяется проекции авторского сознания в автобиографическом романе И. С. Шмелева «Лето Господне». Автор приходит к выводу, что в произведении представлено «двойное» видение мира, который предстает перед читателями, с одной стороны, глазами наивного, чистого ребенка, а с другой, глазами мудрого, взрослого человека, талантливого писателя.

Ключевые слова и фразы: автор; авторское сознание; рассказчик; автобиографическая проза; мир детства.

Карабанова Надежда Валериевна, к. филол. н., доцент
Мордовский государственный педагогический институт имени М. Е. Евсевьева
nadiakarabanova@rambler.ru

ПРОЕКЦИЯ АВТОРСКОГО СОЗНАНИЯ КАК ОСНОВНАЯ ЧЕРТА АВТОБИОГРАФИЗМА РОМАНА И. С. ШМЕЛЕВА «ЛЕТО ГОСПОДНЕ»

Проблемами автора и его сознания в тексте в разные годы занимались многие ведущие литературоведы, такие как М. М. Бахтин [1], Л. П. Водясова [2], Е. А. Жиндеева [Там же], Б. О. Корман [4], В. В. Одинцов [5] и другие. Так, М. М. Бахтин отделял авторское сознание от сферы самореализации персонажей и говорил о том, что автор может вступать в диалог, в определенные взаимоотношения со своими героями: «Каждое понятие, образ и предмет живут в двух планах, осмысливаются в двух ценностных контекстах – в контексте героя и в контексте автора... Эти ценностные реакции лежат в разных культурных мирах: ведь реакции героя, его эмоционально-волевая установка носит познавательный-этический и жизненно-реалистический характер, автор реагирует на нее и завершает ее эстетически» [1, с. 18]. Б. О. Корман проводит теоретическое единство между понятиями «автор», «объект», «субъект» и т.д. и определяет понятие *автор* следующим образом: «автор» – «субъект (носитель) сознания, выражением которого является произведение или их совокупность» [4, с. 41]. Литературовед в своих работах отделяет не только биографического автора от автора – реального человека, но также писателя от повествователя, и говорит о том, что «автор непосредственно не входит в произведение: какой бы отрезок текста мы ни рассматривали, обнаружить в нем непосредственно автора мы не можем; речь может идти лишь о его субъектных опосредованиях – более или менее сложных. Чем больше отрывки текста, тем в принципе сложнее система субъектных опосредований автора. Когда же мы обращаемся к произведению как целому, мы должны сказать, что автор здесь опосредован всей субъектной организацией» [Там же].

Современный исследователь В. В. Одинцов рассматривает образ автора «в формах соотношения повествовательного монолога и диалога, в специфике повествовательного движения и смены типов речи, в экспрессивно-стилистических особенностях текста, а также в отдельных суждениях и определениях, которые выходят за рамки конструируемого образа героя» [5, с. 178].

Наибольшую сложность, по нашему мнению, при исследовании образа автора и проекции авторского сознания в текст представляют собой произведения, относящиеся к автобиографическому жанру, так как в них авторское «я» и «я» персонажа практически идентичны. Следует отметить, что многим писателям, работавшим